

„Дж. Р. Р. Толкин“

Волшебные сказки

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111–34
ББК 84(4Вел)-44
Т52

J. R. R. Tolkien
TALES FROM THE PERILOUS REALM

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства *Andrew Nurnberg*
Originally published in the English language by *HarperCollins Publishers Ltd.*
under the title *Tales From The Perilous Realm*
Farmer Giles of Ham

Толкин, Дж. Р. Р.

Т52 Волшебные сказки / Дж. Р.Р. Толкин ; [перевод с англ. Оксаны Степашкиной, Натальи Шантырь, Светланы Лихачевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Настоящая история Рождества).

ISBN 978-5-17-169930-7

В сборник вошли повесть-сказка «Роверандом», написанная Дж. Р.Р. Толкином для его детей, а также «Стихи из Алой книги» о приключениях Тома Бомбадила и сказки «Фермер Джайлз из Хэма», «Кузнец из Большого Вуттона» и «Лист работы Ниггля», которые знакомят читателя с удивительным миром, полным эльфов, драконов и волшебства.

УДК 821.111–34
ББК 84(4Вел)-44

Copyright © The Tolkien Estate Limited 1949
The Adventures of Tom Bombadil
Copyright © The Tolkien Estate Limited 1961
Smith of Wootton Major
Copyright © The Tolkien Trust 1967
Roverandom
Copyright © The Tolkien Trust 1998
Introduction © Tom Shippey 2008
© Степашкина О. М., Шантырь Н. Г.,
Лихачева С. Б., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

ISBN 978-5-17-169930-7

РОВЕРАНДОМ

*Эта книга посвящается памяти
Майкла Хилари Руэла Толкина
(1920–1984)*

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Летом 1925 года Дж. Р.Р. Толкин, его жена Эдит и их сыновья, восьмилетний Джон, пятилетний Майкл и Кристофер, которому еще не было и года, выехали на отдых в Файли, городок на Йоркширском побережье, и по сей день пользующийся популярностью у туристов. Это было что-то вроде незапланированных каникул. Толкин только что получил назначение на должность профессора англосаксонской филологии в Оксфорде (он намеревался приступить к обязанностям 1 октября), однако одновременно ему предстояло еще целых два триместра преподавать в университете г. Лидса, и можно предположить, что поездку эту он предпринял, чтобы поднабраться сил.

Итак, в течение то ли трех, то ли четырех (точно неизвестно) недель Толкины снимали в Файли особняк в эдвардианском стиле, расположенный на самом высоком обрыве во всей округе. Окна дома выходили на песчаный берег и открытое море, и ничто не заслоняло вида на восток. Благодаря этому в течение двух или трех дивных вечеров подряд Джон Толкин-старший мог наблюдать изумительную картину, которая произвела на него неизгладимое впечатление: из моря вставала полная луна и протягивала по воде свою сверкающую серебряную дорожку.

* Печатается с незначительными сокращениями.

В то время у маленького Майкла была игрушка, которую он обожал, — крошечная черно-белая оловянная собачка. С ней он ел, спал и носил ее с собой повсюду, не расставаясь даже тогда, когда надо было вымыть руки. Однажды во время тех самых каникул в Файли малыш с отцом и старшим братом отправился на пляж. Увлечшись пусканием камешков вдоль поверхности воды, он положил игрушку на белую береговую гальку, и... та слилась с ней, стала невидимой!

Собачку искали весь тот день и весь следующий. Она так и не нашлась.

Сердце Майкла было разбито.

Толкин прекрасно понимал, что значит для ребенка потеря обожаемой игрушки. Видимо, именно поэтому ему пришло в голову придумать происшедшему «объяснение» — рассказ, в котором злой волшебник превращает живого пса по кличке Ровер в игрушку, потерянную затем на берегу маленьким мальчиком, очень похожим на Майкла. Далее по ходу повествования потерянный пес встречает забавного «песчаного колдуна» и не без участия того переживает удивительные приключения на Луне и на дне морском.

Именно таков сюжет «Роверандома», каким он окончательно запечатлелся на бумаге.

«“Роверандом”, написанный, чтобы доставить удовольствие Джону (и мне самому — по мере написания), завершен», — фиксирует Толкин в краткой дневниковой заметке, относящейся к 1926 году. Если сопоставить размеры сказки с ее фрагментарным характером, становится очевидно, что возникла она не сразу, а рассказывалась постепенно, частями. При этом Толкин явно все больше вдохновлялся повествованием: чем дальше, тем история становится все более увлекательной и изощренной. Однако, к сожалению, мы так никогда и не узнаем, присутствовали ли уже в том, первоначальном рассказе все «хитрые» обороты речи и многочисленные от-

сылки к мифам и легендам, которые свойственны сказке теперь, — или же они добавлялись, когда «Роверандом» стал обретать окончательное оформление на бумаге.

Поскольку память Толкина живо запечатлела сияющую над морем полную луну (чей вид совершенно очевидно положил основание путешествию Ровера вдоль лунной дорожки уже в самой ранней из версий «Роверандома»), семейство должно было находиться в Файли 2 сентября 1925 года, во время полнолуния. Определенно были они там и 5 сентября, когда на северо-восточное побережье Англии обрушился чудовищный шторм.

Снова в памяти писателя отпечатывается картина, подтверждаемая сообщениями из газет того времени^[1]. Уровень моря на много часов превысил предельную отметку, волны перехлестнули через волнорез и обрушились на прогулочную набережную, опустошив береговые постройки, перевернув вверх дном весь пляж и разрушив всякую надежду — если она еще оставалась — отыскать игрушку Майкла. Порывы ветра сотрясали особняк Толкинов столь свирепо, что семья не спала всю ночь. Родители даже опасались, что сорвет крышу.

Чтобы дети не испугались, отец всю ночь рассказывал им сказку. Именно тогда и начались похождения пса Ровера, который стал заколдованной игрушкой и получил кличку Роверандом. Шторм же, не исключено, лег в основу того эпизода сказки, где древний Морской Змей начинает пробуждаться, причиняя тем самым великие возмущения в погоде («...когда он разворачивал одно-два из своих колец, воды взбаламучивались, и сокрушали человеческие дома, и нарушали покой людей на сотни и сотни миль вокруг...»).

Возможно, в Файли был сделан и один из пяти толкиновских рисунков^[2] (в книге помещены два черно-белых рисунка, еще три выполнены акварелью), иллюстрирующих рас-

сказ, — лунный пейзаж. Что касается еще трех иллюстраций к «Роверандому» — «Белый Дракон преследует Роверандома и лунного пса», «Дом, где начались приключения Ровера в виде игрушки» и великолепной акварели «Дворцовые сады морского царя», — то они совершенно точно относятся к сентябрю 1927 года, когда Толкины отдыхали на южном побережье Англии в Лайм-Регисе. Вероятно, то, что они снова очутились на море, вызвало в памяти события двухлетней давности... Наконец, еще один рисунок, где изображен Ровер, прибывающий на Луну на спине чайки Мью, датирован «1927–8».

Можно предположить, хотя датированных рукописей или иных точных свидетельств у нас нет, что Толкин занимался изложением рассказа на бумаге в 1927 году. Именно в декабре этого года в одном из писем к своим детям от имени Рождественского Деда (из замечательной серии выходивших из-под его пера между 1920 и 1943 годами «Писем Рождественского Деда»^[31]) он описывает посещение Северного полюса Человеком-на-Луне. Там этот великий волшебник, присутствующий и в «Роверандоме», выпивает, закусывая сливовым пудингом* и играя в «snapdragon»**, затем, «перебрав лишнего», сваливается под диван и спит там весь следующий день. В это время на Луне разгулявшиеся драконы вылезают из своих нор, и выпускаемый ими дым обволакивает ее столь густо, что возникает лунное затмение. Чтобы восстановить порядок вещей, Человеку-на-Луне приходится поспешить домой и прибегнуть к помощи устрашающего заклинания. Сходство этого эпизода и эпизода с Великим

* В «Роверандоме» сливы обожает волшебник, заколдовавший Ровера. — Прим. пер.

** «Snapdragon» — английская рождественская игра, в которой хватают ртом изюминки с блюда с горящим спиртом. («Snapdragon» возможно перевести также как «дракон-трещотка», и тогда очевидна ассоциация с эпизодом с Белым Драконом из «Роверандома». — Прим. пер.)

Белым Драконом из «Роверандома», где утверждается, что лунные затмения проистекают от затягивания Луны дымом, производимым зловредным драконом, слишком велико, чтобы быть случайным.

И еще одна деталь указывает на данное время как на время записи текста «Роверандома»: упоминание в нем несостоявшегося затмения. В тексте говорится: «Следующее затмение сорвалось». И оно действительно «сорвалось», как сообщила лондонская «Таймс» по поводу лунного затмения, которое пришлось на 8 декабря 1927 года и оказалось полностью скрытым от наблюдателей на территории Англии плотной облачностью...

Существует четыре варианта текста «Роверандома». Наиболее ранний представляет собой двадцать четыре разрозненных тетрадных листа, исписанных размашистым, временами трудно поддающимся расшифровке почерком, с огромным количеством правки. За этим текстом последовали три машинописных варианта, так же как и первый, недатированных. В них Толкин постепенно удлиняет историю и вводит в нее множество новых выражений и деталей, не меняя, однако, сюжета по сути.

Не исключено, что второй из машинописных вариантов (тоже неоконченный) относится к 1936 году и что, судя по аккуратному внешнему виду, Толкин собирался представить его в занимавшуюся в то время публикацией «Хоббита» издательскую фирму Аллена и Ангуина. («Хоббит» был принят издателями с восторгом и только-только запущен в производство; успех еще не был очевиден, однако Толкину сразу же предложили представить на предмет издания еще какие-нибудь истории для детей. Он обязался прислать книгу в картинках «Мистер Блажь», шутивную средневековую историю «Фермер Джайлз из Хэма» и «Роверандома».) Однако впоследствии по каким-то причинам этот вариант был писателем отвергнут.

И наконец третий, практически готовый к изданию машинописный вариант и есть тот самый текст, который Толкин представил Аллену и Ануину.

Известно, что глава фирмы Стенли Ануин для проверки читательской реакции дал прочесть повесть своему сыну. Но хотя тот и нашел ее «хорошо написанной и забавной», к публикации она не была принята. Полагают, так произошло оттого, что вышедший к тому времени «Хоббит» имел столь бешеный успех, что Аллен и Ануин желали непременно развития темы хоббитов.

Отныне Толкин был полностью поглощен работой над произведением, ставшим впоследствии его шедевром, — «Властелином Колец». «Роверандом» же не рассматривался издателями вплоть до 1998 года...

Можно без всякого преувеличения утверждать, что не будь на свете «Роверандома», не появился бы и «Властелин Колец» — ведь именно тот энтузиазм, с которым подобные «истории для домашнего пользования» принимали дети писателя, в конце концов и привел к работе над «Хоббитом» и его продолжением. Большинство таких историй оказывалось «однодневками». Некоторые записывались, однако до конца доводились немногие. Толкин начал вживаться в роль рассказчика к 1920 году, когда написал свое первое «Письмо Рождественского Деда». Потом были еще истории про злодея Билла Стикерса, про крошечного человечка Тимоти Титуса и про огненно-рыжего Тома Бомбадила, чьим прототипом послужила детская кукла Майкла. Ни одна из этих историй не получила развития. Один только Том Бомбадил обрел позже новую жизнь — в поэмах и во «Властелине Колец».

В отличие от всех этих историй «Роверандом» завершен, мастерски отточен и обладает наибольшим среди всех «домашних» выдумок того времени своеобразием. Текст сказки насыщен безудержной словесной игрой.

Здесь и звукоподражания, и аллитерации, и стилизация под детскую устную речь («фью-у-у», «плюханье», «пузико»), равно как юмористически-длинные описания («...параферналии, инсигниции, меморандумы, символы, своды рецептов, магические напитки, приборы, а также мешки и бутылки самых разнообразных заклинаний...»), и парадоксальные повороты текста («...и он мгновенно растворился в разреженном воздухе. А ведь только тот, кто никогда на Луне не бывал, и сможет рассказать вам, какой разреженный там воздух»).

Правда, кое-кому язык сказки при всей своей свежести может показаться чересчур сложным для маленьких детей. Однако сам Толкин с такой точкой зрения не согласился бы. «Богатый язык, — писал он, — возникает не от чтения книг, написанных в соответствии с чьими-то понятиями о языке определенной возрастной группы. Он возникает из чтения вневозрастных книг» (Письма Дж. Р. Р. Толкина / *Letters of J. R. R. Tolkien*, 1981).

«Роверандом» примечателен еще и тем, что в произведении задействовано множество самых разнообразных автобиографических и литературных реминисценций. Прежде всего герои сказки — это, конечно, семья Толкинов и сам автор. Мы видим коттедж и песчаный пляж, сияющую над морем луну, шторм и чувствуем настроение, царившее в семье после пропажи собачки. Кроме того, в сюжет то здесь, то там вкраплены сентенции автора по поводу весьма заботившего его загрязнения окружающей среды. К этому Толкин добавляет целую россыпь отсылок к мифам и волшебным историям разных народов: тут Красный и Белый Драконы из британской легенды о короле Артуре и Мерлине; и всевозможные мифические обитатели моря — русалки, Нйорд, Старик-из-морья; и Великий Змей Мидгарда из скандинавских саг... Заметны и отзвуки широко известных в то время английских детских книг — «Псаммед» Э. Несбит, «Алисы в Зазеркалье»

и «Сильвии и Бруно» Льюиса Кэрролла, «Сказок просто так» Р. Киплинга... И как ни удивительно, весь этот разношерстный материал великолепно уживается. С некоторой долей несовместимости, конечно, но зато и с массой удовольствия — для тех, кто способен узнавать намеки.

В лекции 1939 года «О волшебных историях» Толкин критикует многочисленные описания фей и эльфов в виде «цветочных малюток с крылышками, как у бабочек». Однако во времена «Роверандома» он и сам еще не чурался эксцентричных идей наподобие лунных гномов, скачущих верхом на кроликах и готовящих блины из снежных хлопьев, или морских фей, путешествующих в запряженных крошечными рыбками колесницах из ракушек. Позже писатель признавался, что в 20–30-е годы он все еще «пребывал под влиянием обычая считать «волшебные истории» адресованными детям». В соответствии с этим в сочинениях того времени он иногда прибегает к переработке образов и методов, типичных для традиционных «волшебных историй». Таковы традиционно шаловливые эльфы Ривендела в «Хоббите», «закадровый» голос автора-рассказчика в «Хоббите» и еще более — в «Роверандоме».

Позже Толкин даже сожалел, что записывал свои ранние истории, и выражал пожелание, чтобы некоторые из них — особенно знаменитые ныне «Шаги гоблинов» — были похоронены и забыты. Потому что в обладающих высоким ростом и благородным обликом могущественных волшебных существах (позднее — Эльфах) мифологии «Сильмариллион» ничего не осталось от «цветочных малюток».

«Роверандом» не может не вызывать ассоциаций с толкиновским сводом легенд, занимавшим писателя всю жизнь. Сад темной стороны Луны напрямую связан с Домом утраченной игры из ранней «Книги утраченных сказаний». Там дети «... танцевали и играли... собирая цветы или гоняясь за золоты-

ми пчелами и бабочками с расписными крыльями...» (часть I, опубликована на англ. яз. в 1983 году). В «Роверандоме» дети «...танцевали, словно в полудреме... блуждали, как лунатики, разговаривая сами с собой. Некоторые пробуждались от глубокого сна, иные уже совсем проснулись и бегали, смеясь; они толкались, собирали букеты, строили беседки, ловили бабочек, перекидывались мячами, карабкались на деревья... И все они пели». Но самая интригующая связь между «Роверандомом» и сводом легенд возникает, когда «старейший кит» Юин показывает Роверандому «великую Бухту Волшебной Страны (это мы, люди, так зовем ее) позади Островов Магии, и... на самом краю Запада горы Прародины Эльфов и разлитый над волнами свет Самого Волшебства», и «эльфийский город на зеленом холме пониже линии гор». Это же совершенно точная география Запада мира из «Сильмариллион»! «Горы Прародины Эльфов» — горы Валинора в Амане, а «эльфийский город» — Тун (это название присутствует и в самом первом тексте «Роверандома»). Сам Юин как будто срисован из «Книги утраченных сказаний». И хотя он не совсем аналог «величайшего и древнейшего из китов» из первой части «Книги», тем не менее он также наделен сверхъестественными способностями и может доставить Роверандома туда, откуда взгляд достигает Земель за Западным Пределом, — и это несмотря на то, что и прежде*, и после эти Земли сокрыты от глаз смертных за гранью тьмы и опасных вод. Недаром Юин говорит, что ему бы не поздоровилось, заметить кто-нибудь из живущих в Валиноре (надо полагать, Валары — Боги), что он показал Аман кому-то из Лежащих Вовне Земель (то есть из мира смертных, Среднеземья), — пусть даже только собаке.

В «Роверандоме» Лежащие Вовне Земли — это в некотором отношении наш с вами мир, со многими реально существу-

* «Прежде» — в будущем развитии Толкином свода легенд. — *Прим. пер.*

ющими в нем местностями. Да и сам Роверандом «все-таки был английской собакой». Но с другой стороны, ведь очевидно, что это не наша Земля: у нее есть края, через которые переливаются водопады, «обрушиваясь прямиком в пространство», и Луна там, когда не висит высоко в небе, проходит под миром.

Когда за прошедшие со дня смерти Толкина двадцать пять лет было опубликовано большинство его произведений, стало очевидно, что так или иначе почти все они взаимосвязаны и что каждое проливает дополнительный свет на остальные. «Роверандом» не исключение — он позволяет увидеть, как уже владевший к тому времени воображением писателя свод легенд влияет на склад, казалось бы, никакого отношения к нему не имеющего рассказа. Кто из читавших «Хоббита» не обратит внимание на аналогии между устрашающим полетом Ровера на спине чайки Мью и полетом Бильбо к гнездовью орлов, между пауками Луны и пауками Мирквуда или на то, что и Великий Белый Дракон Луны, и дракон Смог из Эребора обладают нежным подбрюшьем? И еще: как не заметить, что три слегка желчных волшебника из «Роверандома» — Артаксеркс, Псаматос и Человек-на-Луне — каждый по-своему являются предтечами Гэндальфа?

Нам остается сказать только несколько слов о рисунках Толкина. Сам автор не предполагал, что это будут иллюстрации к книжному изданию. Они не едины по стилю или техническим средствам исполнения: два (помещенные в этой книге) выполнены карандашом и чернилами, два — акварелью, а один — главным образом цветными карандашами (эти иллюстрации, к сожалению, не вошли в предлагаемое издание). Четыре рисунка полностью закончены, в то время как пятый — «Ровер, прибывающий на Луну...» — гораздо меньшего размера, и фигурки персонажей здесь едва различимы.

Возможно, Толкина больше интересовали башня и безжизненный ландшафт — ни в малейшей мере не позволяющий предполагать наличие описанных в «Роверандоме» лунных лесов. Более ранний «Лунный ландшафт» соответствует тексту точнее: вероятно, он изображает тот момент, когда Роверандом и Человек-на-Луне, возвращаясь после посещения темной стороны, видят «наш мир, восходящий над плечом лунных гор, — огромную, круглую зелено-золотую луну». Однако мир (наш мир) здесь не плоский: видны только Северная и Южная Америки, следовательно, Англия и другие упоминаемые в истории места должны находиться на противоположной стороне земного шара. Название «Лунный ландшафт» написано на работе ранним толкиновским эльфийским шрифтом тенгвар.

Рисунок «Белый Дракон преследует Роверандома и лунного пса» также отражает текст. Помимо дракона и двух крылатых собак здесь есть несколько любопытных деталей: вверху над подписью замечен один из лунных пауков и, возможно, дракономотылек; в небе опять нарисована Земля в виде глобуса. Начав иллюстрировать «Хоббита», Толкин использовал там такого же дракона — на карте Дикой Страны и такого же паука — на рисунке Мирквуда.

Особняком стоит изумительная акварель «Дворцовые сады морского царя». Толкин изображает дворец и его сады во всем их великолепии, а не Роверандома, боязливо пробирающегося по тропе в глухих подводных зарослях, — как это рассказывается в книге. Возможно, подразумевается, что мы смотрим как бы его глазами. В верхнем левом углу виден кит Юин, очень похожий на кита из киплинговской сказки «Откуда у кита такая глотка» (из «Сказок просто так»).

Рисунок «Дом, где начались приключения Ровера в виде игрушки» — не менее законченная акварель. Однако он заставляет поломать голову. Название позволяет предполо-